

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ТЕРСКИЙ — великий мастер творческих дел

Светлана Сергеевна Невская,
ведущий научный сотрудник ФГНУ «Институт
стратегии развития образования Российской академии
образования (РАО)», доктор педагогических наук,
Москва, e-mail: nevskajasweta@yandex.ru

• В.Н. Терский • А.С. Макаренко • макаренковедение • воспитание

Виктор Николаевич руководил всей клубной работой Колонии им. М. Горького и Коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Это был мастер на все руки, любимцем колонистов и коммунаров. Не случайно А.С. Макаренко писал, что «дрожал, как бы его у меня не сманили. Он был удивительно весёлый человек. Он меня заражал и воспитанников заражал своим буйным весельем». Антон Семёнович сам любил и умел пошутить и повеселить публику, тем не менее он даёт высокую оценку аналогичным способностям В.Н. Терского, а умение мастера влюблять ребят в любое и обязательно потрясающе интересное дело приводило Антона Семёновича в восторг.

По поводу сказанного уместно привести воспоминания М.Д. Виноградовой. С большим уважением и восхищением вспоминала Маргарита Дмитриевна о первой встрече с В.Н. Терским. Он сразу же ей понравился за своё донкихотство, духовность, силу творческого духа. «Выступления Виктора Николаевича, — писала

Маргарита Дмитриевна, — были совершенно необыкновенными, ни на кого не похожими. Я бы сказала, что каждое его выступление — это удивительный праздник творчества, оптимизма, игры, юмора. Он зажигал всю аудиторию своей творческой импровизацией, задавал вопросы с необычными педагогическими загадками, над которыми тут же почти каждый начинал думать. Сам Виктор Николаевич во время своих выступлений то что-то, походя, мастерил из бумаги, то рисовал или чертил на доске мелками, то выразительно показывал что-то жестами, мимикой. А внешне он был похож на Дон-Кихота, и я бы сказала, не только внешне, но и по своим внутренним качествам: веры в возможность всего достигнуть (вспомним его попытки изобрести с коммунарами перпетуум-мобиле), необычайной доброты, расположенности к людям, тяги общения с ними»¹.

¹ Виноградова М.Д. Воспоминания // Неизвестный Макаренко. Вып. 19 / Сост. С.С. Невская. — М., 2009. — С. 31.

М.Д. Виноградова встречалась с Виктором Николаевичем многие годы, не пропускала его публичные выступления, которые проходили в Москве. «Виктор Николаевич жил с семьёй в Знаменске Калининградской области, — продолжала свои воспоминания М.Д. Виноградова, — но в Москву приезжал довольно часто по своим делам — хлопотать об издании своих рукописей, в том числе книги, и о всяких нуждах Знаменской школы, где он работал. Я в его хлопотах не умела ему помочь, это делала в основном Ольга Сергеевна Кель, с которой Терский готовил к изданию книгу. Но почему-то Виктор Николаевич всегда выделял меня среди своих слушателей и ласково, трогательно называл своей внученькой (а ведь мне уже было между 45—50 годами)»².

Заслуживает внимания тот факт, что, как и А.С. Макаренко был искусен в организаторском деле, педагогическом мастерстве и технике, так и В.Н. Терский был мастером высшего класса в своём непревзойдённом умении выдумывать и зажигать воспитанников любого возраста весельем и, казалось бы, самыми обыкновенными, но непременно интереснейшими делами: будь то игра или стенгазета, клубные занятия или кружки.

С самого начала А.С. Макаренко увидел в нём «человека, преданного клубной работе, и великого мастера сих дел». Этот «очень высокий и очень худой человек» жил своей работой и собственная его персона мало его же самого и занимала, даже можно сказать, что именно в его работе она и располагалась.

В статье «Уметь делать радость» Виктор Николаевич писал:

«Воображение человека создаёт не только полезные, умные вещи, но даже такие тонкие и важные ценности, как настроение человека.

² Виноградова М.Д. Воспоминания // Неизвестный Макаренко. Вып. 19 / Сост. С.С. Невская. — М., 2009. — С. 31.

Двое шли, поскользнулись и шлёпнулись в лужу. Один направил своё воображение в сторону грусти и был очень огорчён и расстроен. Как же, беда-то какая, придётся идти мокрому, да потом ещё чистить костюм. Ужасно! Другой силой воли направил своё воображение в сторону веселья. Первый нагнал на людей грусть и своё раздражение срывал на окружающих, а второй всё сумел превратить в забавный эпизод.

Но поступать так, как поступал второй, трудно. Для этого надо любить людей, уметь думать об их настроении и управлять собой. Это вообще ценное в общечеловеческом качество, а в педагогике особенно»³.

В статье «Коллектив единомышленников» Виктор Николаевич признавался: «С детства я любил веселье, смех, любил веселить других. Постепенно, не легко и не сразу, вырисовывалась моя скромная цель в жизни. Юношей в одном из стихотворений я её выразил так: “Счастье творить, смех везде создавать”.

Но не всегда это мне удавалось. Я понял, что одного горячего личного участия в преобразовании общества для этого мало, что счастье творить можно только дружным коллективом единомышленников»⁴.

Что только ни умел делать Терский?! Прекрасно рисовал, писал стихи, знал, как обращаться «со всеми существующими инструментами, знал правила всех спортивных и неспортивных игр, знаком с устройством всех машин». А что ещё нужно пацанам. Они были влюблены в него «до макушки своих вихров». Поражённые его эрудицией во всех областях знаний и в то же время его особенностью самому оставаться «ребёнком», забывая о жене, о своих детях, о самом себе, они платили ему своей необыкновенной

³ Макаренко А.С. Марш 30 года. — М.: Просвещение, 1967. — С. 214.

⁴ Там же. С. 208.

преданностью, привязанностью и любовью. Уже в почтенном возрасте они вспоминают о нём только с восхищением. Послушаем их отклики.

И.И. Яценко: «О Викторе Николаевиче Терском следует говорить не только как о человеке просто талантливом, а как о человеке гениальном в своей области деятельности. В своей деятельности он был таким же гениальным, какими гениальными бывают поэты, художники, музыканты, учёные.

Совершенно необходимо принять во внимание его широту и глубину знаний в самых разных областях науки, литературы, истории, искусства. К этому следует добавить его исключительную способность (умение) практического применения этих знаний и своего опыта в повседневной деятельности. Наконец, он был человеком исключительно находчивым и остроумным.

Очень интересно то, что он всё делал спокойно, без какой-либо суеты, как само собой разумеющееся. На уроках черчения и рисования он говорил: “Надо делать всё быстро, не спеша”. Вот так поступал он сам во всём, везде, всегда».

Н.В. Назаренко: «С В.Н. Терским я много раз встречался на вечерах сказок. Вечера сказок организовывал и проводил В.Н. Он сам же и придумывал эти сказки. А происходило это так. Малыши собирались в одной из классных комнат школы. (Начинались сказки после ужина в 7 часов вечера. Ребята собирались пораньше.) В точно назначенное время приходил Виктор Николаевич. В руках у него всегда был четырёхугольный фонарь, который был приготовлен им специально, так как каждое боковое стекло заменялось стеклом с картинками. Эти стёкла с картинками Виктор Николаевич подготавливал совместно с участниками кружка. Кроме фонаря он приносил палку, сделанную специально для сказок... Все сказки сопровождалась демонстрацией цветных картинок при помощи фонаря. В заключение сказки появлялся шум, взрыв или стрельба, обвал при помощи палки и устройств, изготовленных В.Н. Терским, все вздрагивали и довольными расходились по спальням или на собрание... в громкий клуб».

И. Ветров: «Для меня В.Н. Терский был вторым Макаренко. И очень жаль, что многое о нём стёрлось в моей памяти временем и нелёгкой жизнью...

До сих пор я не знаю, что по существу означает слово «любовь», но к Виктору Николаевичу я как бы прилип с первой встречи, потом привык как к брату-отцу своему. В коммуне мне хотелось быть похожим на Макаренко и Терского. Они разные: «Наш Антон» строгий, Виктор Николаевич помягче, но оба требовательные и внимательные. Вели, звали нас в новую жизнь, освещали дорогу, удивляли нас своими знаниями и умением многое делать, учили и увлекали сами собой, их отношением ко мне. Всегда с нами, с утра и до поздней ночи, как будто у них не было своей семьи, никакого отдыха. От этого наши памятные и раздавленные тяжестью безпризорности души светлели и спины выправлялись, мы им верили, их словам и делам, — и любили, на расстоянии и никто в этом не признавался».

Виктор Николаевич был младше А.С. Макаренко на десять лет. Он родился 7 ноября 1898 г. в селе Большое Коровино Рязанской губернии. Отец был кузнецом и отличным мастером на все руки (был из обедневших дворян. Двадцать три года отец работал на Сормовском заводе под Нижним Новгородом, сначала молотобойцем, потом кузнецом, а позже в своей мастерской в селе Б. Коровино, где имел полученную к тому времени в наследство усадьбу. После революции продолжал работать в этой же мастерской в качестве заведующего. Отношения с рабочими у него всегда были хорошими, большинство из них были его учениками. В 1934 г. он переехал в Москву и до конца жизни работал в Институте точной механики, выполнял самые разные и самые сложные задания как превосходный мастер.

Мать Виктора умерла, когда он был ещё очень маленьким. Сын очень

дружил со своим отцом, но ушёл из дома в 1915 г. из-за мачехи. С самого раннего детства познакомился со столярным, слесарным, кузнечным и токарным делом. Рисовать его научил отец, который в своё время окончил Московскую школу валяния и зодчества и очень хорошо рисовал. Надо сказать, что многие из родственников и знакомых их семьи рисовали, писали стихи, играли на различных инструментах. Молодого Виктора увлекало всё, включая верховую езду, велосипед и разные другие занятия. По его словам, личностью, которой он стремился подражать, его кумиром был полководец Суворов. Зимой Виктор учился, сначала в Зарайском реальном училище, где окончил 3-й класса, затем в Московской земледельческой школе, где также окончил 3-й класса. Летом совмещал отдых с работой, порой объезжая с напарником всю губернию.

После ухода из дома в 17 лет жил где придётся, в Москве. Ещё до разрыва с семьёй он начал учиться в уже упомянутой московской земледельческой школе. Это было специальное учебное заведение М.М. Щепкина, которое готовило агрономов. После 3-го класса ему пришлось работать (в основном в студенческих артелях). Выполнял самые разные работы, какие мог найти: колол дрова, разгружал вагоны, расклеивал афиши, позже работал токарем, в кузнице, по переписыванию начисто и т.п. В этот период (1916–1918) от школы он был оторван, но много читал и занимался, готовясь сдать экзамен экстерном в Петрово-Разумовскую сельскохозяйственную академию на 3-й курс. Подготовка в академию затянулась, потому что ему приходилось зарабатывать на жизнь и систематически заниматься не удавалось, к тому же подвернулись необходимые доходные работы: делать чертежи и композиции богатым студентам, которые учились в художественных специальных вузах. Студенты получали дипломы, а Виктор — большую практику и хороший заработок. В конце 1918 г. Виктор Николаевич пошёл в армию. Его вскоре назначили начальником клуба. Он руководил художе-

ственной секцией и все пять лет в армии был учителем. Всё это происходило в Харькове, куда Виктор Николаевич поехал к дяде. В этот период военной службы он учился в Каплуновской художественной академии. Окончил три курса. В этот же период (1920–1922) он познакомился с режиссёром драмтеатра и многими артистами, которые работали у него в клубе. Виктор Николаевич и сам играл на сцене. Работал он и в художественной мастерской УКРОСТА. После пяти лет службы в армии В.Н. Терский один год работал в Харьковском Центральном реформаториуме. В середине 1920-х годов он познакомился с А.С. Макаренко и пришёл в Колонию М. Горького.

В своих рукописных тетрадях Виктор Николаевич рассказывает об этом событии так:

«Меня лично купили по дешёвке — за три рубля. Дело было так. Демобилизовавшись из армии после пятилетней службы в РККА, сдав экстернат в Художественной академии, после...работы моей в Харьковском Центральном реформаториуме учителем, я решил работать художником в Будах на фарфорофаянсовом заводе, где художники, расписывавшие вручную вазы и другую ценную посуду, зарабатывали в то время до тысячи рублей в месяц.... Это был очень хороший заработок, который вполне обеспечил бы тогда мою немногочисленную семью — жену и сына. В Будах надо было сдать пробную работу, расписав вазу керамическими терпентиновыми красками, что мне удалось отлично. Рисовать я всегда любил, орнаментику любил особенно, было ясно, что на Будянском заводе я сразу смогу стать в ряд лучших мастеров искусства. Квартиру мне предложили отличную, но цех художественной росписи был закрыт временно на ремонт. Мне предложили временно поработать в других цехах, но я решил использовать месяц ремонта как отпуск после шести лет работы без выходных дней.

Договорились, что я приеду через месяц, оформился, получил небольшой аванс и уехал в Харьков.

В Нарокомпросе мне сообщили, что из-под Полтавы в Куряж приехал очень интересный педагог Макаренко, с которым советовали познакомиться. От нечего делать я поехал в Куряж и увидел там много интересного. Через два дня я решил поработать у Макаренко, по его просьбе, этот месяц, пока окончится ремонт цеха в Будах. Перевёз в Куряж жену с сыном. Устроили нас в тесной монашеской келье. В такой же келье жил и Макаренко. Иных квартир там не было. В Куряже я развернул разную кружковую работу. Особенно увлеклись драмкружком. Играли на сцене ребята с огоньком, декорации соорудили отличные, даже непонятно из чего: из каких-то обрывков толя, ржавых листов жести и ещё какого-то хлама. Но расписали, что называется, под орех с гвоздикой неизвестно откуда, кем и когда добытыми красками. С костюмами было много слабее. У ребят, кроме трусов, ничего приличного не было.

Я лезу в будку суфлировать и тут только замечаю, что паренёк, играющий царского генерала, стоит в совершенно рваных ботинках, из которых торчат наружу почти все пальцы, т.к. рваные ботинки к тому же малы номера на четыре. На мне армейские брюки с дырявым карманом, который я не успел зашить, и армейские сапоги. Снимаю сапоги и велю надеть «генералу», чтобы он был хоть маломальски похож на самого себя.

Пьеса проходит как всегда: не так, чтобы хорошо, но здорово. Уже вылезая из будки, вспоминаю, что у меня как раз в дырявом кармане осталась последняя трёхрублёвка, так как остальные деньги я уже успел истратить. Но эта трёхрублёвка мне нужна — пойду сейчас к частнику в магазин, куплю чего-нибудь поесть себе и жене. Цупаю... нет трёхрублёвки. Значит, она... провалилась и должна быть... в сапоге, но... ага, сапоги я отдал. «Генерал» возвращает мне сапоги. Ищу в них... нет трёхрублёвки. Глянул вокруг на полу сцены — нет. Ну, ясно! Ребята же голодные! Я уже усмехнулся и забыл, но... ребята заметили, что я что-то потерял и искал. И пристали с расспросами: что, что Вы

утеряли. Я отнекивался, но ребята ловко и клейко пристали, пришлось сказать. Зашушукались и быстро так за сцену шасть. А другие явно зубы мне заговаривают. Ну, думаю, ладно, — будь по-вашему, посмотрим, что из этого выйдет. А вышло неожиданное: выносят трёхрублёвку мою, нашли, говорят, за сценою, куда мёртвый «генерал» после антракта уходил!

Поразился я честностью ребят. Вот тебе и беспризорные! Явно голодные, а ведь могли бы свободно не вернуть 3 рубля, на которые могли бы себе конфет купить, — ведь дети же! И как я не отказывался, а пришлось деньги взять. Дали ясно понять, что они горды и подачки не возьмут. Кто-то из них сказал: «Вы говорите, что мы честные, но ведь за честность не платят!» Пришлось деньги взять, поблагодарить. Разошлись. Пошёл прямо домой. Показываю жене деньги, рассказываю всё как было. Ложимся спать. Раздеваюсь. И вдруг к полному моему изумлению из халявы брюк выпадает... вторая трешка! То, что у меня была лишь одна трёхрублёвка — в этом я уверен. Значит... всё ясно! Вот это так обтяпали! Чтобы человек, оказавший им известное внимание, не огорчился, они решили и сумели всучить ему взамен его утерянной трёхрублёвки свою! Ну, знаете, это же хлеще горьковского Челкаша «работают» эти ребяташки!

Поутру я сумел расквитаться с ними, но чувствовал, что это вышло слабо, неэффективно. Время бежало быстро. Вот и месяц на исходе. Старшие ребята узнали, что я скоро уеду. Вышло как-то вечером... разговор такой получился. «Конечно, — сказал кто-то, — мы знаем, Вы уедете, потому что тут Вы можете получать лишь 80 рублей в месяц, а там 1000! Разница большая». Пожалуй, больше-то ничего и не было сказано... да. Но тут я задумался. Ещё кое-какие факты заставили задуматься. И эти 3 рубля.

Ведь есть же то, что дороже денег, чего купить нельзя. Есть, конечно. Всё может быть. Может быть даже и так, что три рубля дороже тысячи рублей. Может быть, и это. А может быть, и такой казус, когда то, что нельзя купить ни за какие деньги, что вообще не продаётся — вдруг куплено и притом по дешёвке — за три рубля! Пусть сыграли! Но ведь красиво! А для того, чтобы любить красоту, не обязательно даже быть художником! Такая хорошая игра мне понравилась. Она продолжалась потом ещё 11 лет.

Я в Буды съездил только для того, чтобы вернуть аванс и с грустью сообщить о том, что работать на заводе мне не позволяет моя совесть. Я понял, что в Куряже я нужнее. Меня купили, а я не мог продать этих ребят за тысячу рублей»⁵.

Архивные документы свидетельствуют, что под руководством А.С. Макаренко Виктор Николаевич Терский работал около 13 лет, сначала в Колонии им. М. Горького, затем в Коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. Оставался работать там и после ухода Антона Семёновича вплоть до закрытия коммуны в 1939 г. При руководстве учреждениями А.С. Макаренко ему удалось в полную силу проявить свои таланты. Виктор Николаевич работал с полной самоотдачей, и ему отвечали взаимностью, и, пожалуй, только там он получил полное признание, был вполне удовлетворён и работой, и жизнью и, наверное, был особенно счастлив. Дальнейшая его судьба не была столь радостна, как при работе с А.С. Макаренко.

В 1939 г. В.Н. Терский по приглашению Наркомпроса переехал в Подмоскowie, где работал завучем Барыбинского детского дома № 3. Там его и застала война. По приказу Малинского райвоенкомата он эвакуировал детей за Урал в с. Макушино, тогда Челябинской, а потом Курганской области. Продолжал работать завучем эвакуированного детского дома, трудоустраивал и развивал

детей в Алапаевское геологоразведочное училище и другие места.

В 1945 г. Виктор Николаевич сильно простудился, лечился в больнице со многими воспалениями. По выздоровлении был переведён инструктором по трудовому обучению на станцию Иковка Курганской области, посёлок Экспорт. В следующем году В.Н. Терский приехал в Москву.

Есть основание утверждать, что он был возвращён в Москву по ходатайству супруги Макаренко — Галины Стахивны. В то время она участвовала в семинарах по теории и истории педагогики, которые проходили в Центральном доме детей железнодорожников, директором которого была О.С. Кель. На этих встречах говорили не только об А.С. Макаренко, но вспоминали и о В.Н. Терском, великом мастере творческих дел. После возвращения из эвакуации Виктор Николаевич около года работал в Центральном доме детей железнодорожников. В это время началось сотрудничество (перешедшее в крепкую дружбу) В.Н. Терского и О.С. Кель. Кроме того, он помогал Г.С. Макаренко в работе лаборатории по изучению наследия А.С. Макаренко, которой в те годы руководила Галина Стахивна.

В.Н. Терский работал с детьми с тем же энтузиазмом, как всегда: провёл захватывающую игру «Ребусник», длившуюся более трёх месяцев и охватившую 256 детей. В памяти детей и взрослых эта игра сохранилась надолго как конкурс смекалки, и был этот конкурс похож на праздник, в котором дети раскрывали перед педагогами свои способности и таланты. Это была именно та игра, о которой А.С. Макаренко писал в «Марше 30-го года». Именно этой игре Антон Семёнович сулил большое будущее и оказался прав: «конкурс смекалки» не просто игра, это система организации внеклассной работы учащихся. А сколько игр он провёл в своей жизни. Трудно перечислить!

⁵ Архив С.С. Козуб.

Полная самоотдача в работе с детьми и в то же время неприспособленность Виктора Николаевича к радостям быта и многие другие причины делали его обычную жизнь очень тяжелой. В Москве он не смог добиться квартиры, и с 1947 г. по март 1948 г. работал завучем в Шустинском детском доме под Москвой (станция Турист). В марте 1948 г. он перешёл на работу в систему детских колоний МВД (Калининградская область, посёлок Даматау, потом г. Багратионовск). После расформирования колонии один год работал в Литве под Вильнюсом, затем вернулся в Калининградскую область в посёлок Знаменск. В.Н. Терский стал работать учителем и больше своего места работы и жительства не менял. Здесь он преподавал рисование, черчение, труд и пение. И, конечно же, вёл очень содержательную и интересную внеклассную работу, опыт которой был рекомендован — как лучший — школам и детским домам Калининградской области. Виктор Николаевич постоянно совершенствовал модели клубных занятий и игр, проводил практикумы с учителями Калининграда и области на базе областного Института усовершенствования учителей.

В 1950 г. В.Н. Терский начал систематически переписываться и проводить совместную экспериментальную работу с О.С. Кель по линии Академии педагогических наук. К тому времени Ольга Сергеевна стала сотрудницей Академии. При её непосредственном участии была организована опытная работа академических московских лабораторий в школе-интернате № 2 и в школе № 315 по проверке в новых условиях модели клубных занятий и игр, созданных В.Н. Терским ещё в практике А.С. Макаренко.

В 1960-е годы В.Н. Терский неоднократно приглашался Академией из Знаменска в Москву для чтения лекций в школах академических научно-исследовательских институтов и Центральном институте повышения квалификации учителей. А для участия и проведения Всесоюзного семинара-практикума по внеклассной работе, проводимого на базе школы № 315, Центральный институт повышения квалификации руководящих работников народного образования пригласил Виктора Николаевича Терского.

Таким образом, его работа была замечена научной общественностью. Появились его единомышленники, последователи. Всё это, похоже, было признанием деятельности большого мастера воспитательной работы.

Удивительно, как ему на всё хватало сил! Ведь практикумы по рисованию, внеклассной клубной работе для учителей, воспитателей, вожатых он проводил во многих городах Молдавии, в Москве, Калининграде, Перми. И всё это в свой отпуск.

В 1950–60-е годы были опубликованы статьи В.Н. Терского в различных журналах и газетах, в том числе и центральных. Им написано более 50 статей. 1959 г. — «Клубные занятия и игры в практике А.С. Макаренко» (переиздана в 1961 г., в 1962 г. переведена и издана в Берлине). 1960 г. — «Игра «Конкурс смекалки» в школе» (опыт школы-интерната № 12 г. Москвы, в соавторстве с О.С. Кель). 1966 г. — «Игра. Творчество. Жизнь» (в соавторстве с О.С. Кель, иллюстрации выполнены В.Н. Терским). 1966 г. — «Вожатый, ты — педагог!» (переиздана в 1973, 1984 гг.). В основу этой книги О.С. Кель положила написанные Виктором Николаевичем конспекты лекций, которые он прочитал в Центральном институте повышения квалификации учителей. Две последние книги публиковались уже после смерти В.Н. Терского.

В.Н. Терский оставил богатое эпистолярное наследие. Писал он много и многим. Почти каждое его письмо — это миниатюрное сочинение с множеством мыслей, раздумий и находок. Но, пожалуй, больше всего он переписывался с О.С. Кель. Замечательный мастер творческих дел работал в Знаменке, а О.С. Кель жила и работала в Москве, и их научное сотрудничество осуществлялось в основном по переписке. Ольге Сергеевне он написал около 600 писем! Может быть, они когда-нибудь будут

опубликованы полностью. По словам Ольги Сергеевны, эти письма совершенно по-новому раскрывают уникальный педагогический опыт А.С. Макаренко.

Несколько слов следует сказать о реакции научной общественности на книгу «Клубные занятия и игры в практике А.С. Макаренко». Вот какой отзыв на книгу дал психолог В.Н. Колбановский, который хорошо знал и поддерживал А.С. Макаренко:

«Вышедшая вторым изданием книга В.Н. Терского «Клубные занятия и игры в практике А.С. Макаренко» представляют большую ценность для педагогической практики. Скука — враг номер один для всей педагогической деятельности. А.С. Макаренко ненавидел лютой ненавистью этого врага и беспомощно искоренял его из детской жизни. В голове выдающегося педагога был неистощимый запас разных увлекательных дел, занимательных игр, задач и головоломок, способных держать коллективы его воспитанников в тоне бодрости и жизнерадостности.

Изумительным помощником А.С. Макаренко в этом деле был изобретательный на всякие выдумки Виктор Николаевич Терский, любовно в его книгах отображённый под фамилией Перского. Необычайно плодотворной оказалась педагогическая деятельность обоих педагогов, сделавших всё возможное для того, чтобы в Колонии имени Горького, в трудовой Коммуне имени Дзержинского была ключом жизнь, веселье, смех, радость творчества.

Этим был заполнен досуг колонистов и коммунаров после часов труда и обучения в школе. Клубные занятия, проводившиеся по разнообразной программе В.Н. Терским, и игры, всесторонне развивавшие способности детей, не только окрашивали их существование, но были также изумительным подспорьем в подготовке детей к труду и будущей гражданской деятельности.

Книга В.Н. Терского передаёт этот драгоценный опыт А.С. Макаренко современным педагогам. Написанная в ясной и доходчивой форме, содержащая разнообразный конкретный материал и методические указания об организации и проведении различных клубных занятий и игр, эта книга может служить важным пособием, помогающим в жизни и деятельности школ-интернатов, детских домов и обычных школ, из которых до сих пор ещё не изгнана скука.

Эту книгу следовало бы также рекомендовать студентам-педагогам и положить в основу специального педагогического семинара для подготовки будущих педагогов к клубной деятельности в их будущих учебных и воспитательных учреждениях. Книга В.Н. Терского, содержащая редкий в педагогической литературе материал и множество оригинальных педагогических идей, достойна быть отмечена АПН... Её автору должна быть присуждена премия Академии педагогических наук».

В 1959 г. В.Н. Терскому было присвоено звание заслуженного учителя школы, а вскоре он был награждён орденом. В 1961 г. Виктор Николаевич был делегатом от Калининградской области на съезде учителей в Москве.

Кажется, что же ещё можно достичь выше и почётнее. Тем не менее трудностей и препятствий на жизненном пути В.Н. Терского было достаточно и в жизни, и в практической работе, и в издании своих книг. Например, различные задержки, или в результате редактирования сильно изменялся стиль и язык его повествования, менялось и содержание.

Как было сказано выше, не добившись квартиры в Москве, семья Терских поселяется в Знаменске Калининградской области. Здесь почти 14 лет Виктор Николаевич отдал всего себя школе, детям. И, выезжая из Знаменска в различные города страны для чтения лекций и проведения практических занятий, разъяснял

практическим работникам существо макаренковской воспитательной системы.

Виктор Николаевич активно сотрудничал с Академией педагогических наук, щедро делился своими знаниями и умениями, своим опытом. Но он не мог просить что-либо для себя, никто не удосужился протянуть ему руку помощи (прогрессировал туберкулёз легких). Будучи тяжело больным, Виктор Николаевич до последнего дня своей жизни писал рукопись о наследии А.С. Макаренко, считая эту свою работу наиважнейшей. Успел написать 50 тетрадей по педагогическому опыту Антона Семёновича. Благодаря этому опыту, считал Виктор Николаевич, он сам стал мастером воспитательных дел.

В 1965 г. В.Н. Терский тяжело заболел, для лечения приехал в Москву. Жил сначала в гостинице, но ему из-за болезни жить в номере не разрешили. Редактор В.В. Бейлинсон вспоминал, что они работали над его книгой

в подвальном помещении гостиницы.

Виктор Николаевич поражал своим оптимизмом. Однажды приехал С.А. Карabanов с машиной, забрать любимого учителя. Семён Афанасьевич, на вопрос Бейлинсона, кто ему ближе — Макаренко или Терский, ответил: оба любимы, но Антон Семёнович для нас был как бы на пьедестале (недостижимым), а Виктор Николаевич — близким и родным (вседоступным).

Поправиться Виктору Николаевичу было уже не суждено — он умер 4 июля 1965 г. в Москве. Похоронен В.Н. Терский на московском Донском кладбище. В Москве нашли своё последнее пристанище два человека, прославившие отечественную педагогику, создавшие новую педагогическую школу сотворчества, — А.С. Макаренко и В.Н. Терский. **НО**

Viktor Nikolaevich Tersky — The Great Master Of Creative Affairs

Svetlana S. Nevskaya, senior researcher, Institute of educational development strategy, Russian Academy of education, associate Professor, doctor of pedagogical Sciences, Moscow

Abstract: *The story of the remarkable teacher V. N. Tersky, who can rightly be called the co-creator of the Makarenkov pedagogical system. The memoirs of students and colleagues are given.*

Keywords: *V.N. Tersky, A.S. Makarenko, makarenkovedenie, vospitanie.*

Spisok ispol'zovannykh istochnikov:

1. Vinogradova M.D. Vospominaniya // Neizvestnyy Makarenko. Vyp. 19 / Sost. S.S. Nevskaya. — M., 2009. — S. 31.
2. Vinogradova M.D. Vospominaniya // Neizvestnyy Makarenko. Vyp. 19 / Sost. S.S. Nevskaya. — M., 2009. — S. 31.
3. Makarenko A.S. Marsh 30 goda. — M.: Prosveshcheniye, 1967. — S. 214.
4. Tam zhe. S. 208.
5. Arkhiv S.S. Kozub.